

УДК 94 (476.6): 355 (09)

**ВОЙСКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БЕЛАРУСИ
В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1863 – 1864 ГГ.****А. Б. АРЛУКЕВИЧ***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)*

В статье раскрываются процессы сосредоточения и территориального размещения войск Российской империи в Беларуси в преддверии и период восстания 1863–1864 гг. В рамках настоящей работы впервые предпринята попытка установить организационную структуру, состав, численность и места дислокации отдельных подразделений и соединений российской армии на различных этапах восстания. В работе в хронологической последовательности описаны принимаемые правительством меры по усилению группировки российских войск на территории белорусских губерний, как в целях противодействия повстанческим отрядам, так и в связи с опасениями о возможном вмешательстве европейских государств в решение польского вопроса.

Ключевые слова: *восстание 1863–1864 гг., Российская империя, белорусские губернии, российские войска.*

Введение. По оценкам ведущих специалистов в области отечественной историографии восстание на землях бывшей Речи Посполитой 1863–1864 гг. за восстановление утраченной государственности и его отголоски в Беларуси являются одним из наиболее исследуемых блоков отечественной истории с момента становления национальной школы исторической науки в 20-е гг. XX в. [1]. Споры о роли и значении событий 1863 – 1864 гг. в исторической судьбе нашей страны не утихают и сегодня. Очередная волна дискуссий вокруг данной темы связана с обнаружением вероятных останков К. Калиновского в Вильнюсе и принципиальной позицией части активной общественности и интеллигенции, выступающей за его перезахоронение на малой Родине. В этом отношении безусловным приоритетом среди исследователей пользуется поиск в Январском восстании корней и идейных основ белорусского национального движения, а вместе с ним и возможных протопроектиров белорусской национальной государственности. Не отрицая важности данного направления изысканий, необходимо отметить, что в рассматриваемом ключе исторический дискурс (направленный на восстановление подлинной картины событий) уже давно уступил место идейно-политическому, который отражает противоборство различных течений в рамках отечественной историографии. При этом создается ложное впечатление, что на исторической панораме восстания за 150 лет активных исследований, отраженных в обширной библиографии, не осталось белых пятен.

Однако, как показали результаты работы над кандидатской диссертацией, посвященной проблемам военного присутствия Российской империи в Беларуси, до настоящего времени в белорусской историографии нет ясного представления о силах российской армии, сосредоточенных на территории белорусских губерний в 1863–1864 гг. Нет точных данных о том, какие именно подразделения и соединения российских войск размещались на белорусских землях и где (называются лишь отдельные части, квартировавшие в отдельных губерниях на отдельных этапах восстания, что не позволяет восстановить целостную картину расстановки сил). Еще более неопределенными являются используемые данные об общей численности регулярных войск, которые, с одной стороны, противоречат друг другу, с другой, – не отвечают объективной действительности. Между тем очевидно, что армия Российской империи являлась ведущим средством реализации государственной политики в ходе подавления восстания, а также, наравне с отрядами инсургентов, – главной действующей силой событий, разворачивавшихся в это время в белорусских лесах. Таким образом, необходимость детального изучения организационной структуры, численности, состава и схемы территориального размещения войск в границах белорусских губерний имеет принципиальное значение для воссоздания объективной картины событий 1863 – 1864 гг. на территории Беларуси.

Изучение военно-силовой составляющей политики Российской империи в отношении организованных групп, ставших на путь вооруженной борьбы на территории белорусских губерний в 1863 г., началось сразу после завершения восстания в 60-е – 70-е гг. XIX вв. и проводилось экспертами российского Генерального штаба в рамках обзорных исследований, посвященных проблемам организации и управления вооруженных сил Российской империи на фоне инициированных Александром II военных реформ [2 – 4]. Несмотря на то, что самой кампании 1863 г. военными специалистами отводилось второстепенное значение, их работы до настоящего времени наиболее полно (с учетом позиции правительства, особенностей организации местного военного управления, состава, численности и внутренней структуры вооруженных сил) отражают военно-стратегическую обстановку, сложившуюся на территории белорусских губерний к 1863 г.

Предметное изучение событий восстания 1863 г. (в т.ч. отдельных элементов его военного компонента) в Беларуси началось в рамках дискуссии между отдельными течениями общественно-политической

мысли вокруг цивилизационной идентичности белорусов. В частности, приверженцы идеи западнорусизма рассматривали восстание как попытку католической Польши искусственно привязать к себе Беларусь, а одну из своих задач видели в увековечении памяти о военнослужащих армии Российской империи, погибших в ходе противостояния с претендовавшими на белорусские земли националистически настроенными польскими радикалами. В рамках данного направления хранителем Виленского Публичного музея древностей, историком и археографом А. И. Миловидовым были систематизированы исторические сведения о боевых столкновениях отдельных частей и подразделений российских войск с повстанцами на территории Виленского военного округа, представленные в виде исторического очерка, опубликованного в 1915 г. [5].

На академическом уровне изучение событий 1863 – 1864 гг. в Беларуси началось в 20-е гг. XX в. Однако, в силу господствовавших в 20-е – 80-е гг. XX в. идейно-политических установок, главную задачу советские историки видели в поиске наднациональных социально-экономических предпосылок, а также придании выступлению под предводительством К. Калиновского антидворянского революционно-демократического характера. На этом фоне военная составляющая борьбы крестьянских отрядов с регулярной армией должна была продемонстрировать несоизмеримость противоборствующих сил (в отношении организации, численности и профессионализма), и, как следствие, трусость и жестокость правящего режима. Последняя задача не требовала детального изучения системы организации и управления вооруженными силами, сосредоточенными на белорусских землях, их численности и состава, районов наибольшей концентрации и схемы территориального размещения. Презентация образа военной кампании 1863 г. сводилась к описанию подготовки и хода отдельных столкновений повстанческих отрядов с подразделениями регулярных войск, представление о которых прочно закрепилось в общественном сознании благодаря творчеству художников П. Сергиевича, Л. Дударенко, Ф. Янушкевича, Г. Тихановича, В. Шматова, Н. Купавы.

С началом перестройки в середине 80-х гг. XX в. среди отечественных историков наметилась тенденция к приданию деятельности К. Калиновского и Литовского провинциального комитета белорусского национального оттенка, и рассматривать ее как движение за освобождение Беларуси от российского владычества. В данном контексте военная составляющая восстания в очередной раз уступила место идейно-политической, первая из которых традиционно представлялась как охота хорошо организованной военной машины империи за разрозненными и плохо вооруженными патриотами.

Отдельные локальные операции российских войск против повстанцев в течение 1863 г. на территории Гродненской и Минской губерний в современной белорусской историографии изучены в работах В. Н. Черепицы, О. В. Карповича, А. Д. Гронского [6 – 8]. Очерк боевых действий повстанческих отрядов представлен в монографии Д. Ч. Матвейчика, в рамках которой центральное место отводится исследованию подготовки заинтересованных сил к вооруженному выступлению, стратегических планов отдельных предводителей восстания, тактики проводимой повстанцами партизанской войны [9].

Выявление общих причин и военно-стратегических предпосылок применения вооруженных сил, а также описание (пусть и достаточно большого количества) локальных боев все же не раскрывает многих ключевых аспектов кампании 1863 г., среди которых: процесс сосредоточения частей и соединений в районе белорусских губерний, перемещения войск в их границах, организация управления и взаимодействия воинского контингента, стратегические цели и тактика боевого применения отдельных отрядов российской армии. Фактический материал, активно используемый в настоящее время в научном обороте, не позволяет в полной мере реконструировать данные процессы, что требует привлечения дополнительных источников и их анализа на основе современных методологических подходов с учетом предшествовавшего опыта исторической науки.

Источниковую базу настоящей работы составили материалы делопроизводства Департамента (Главного управления) Генштаба Российской империи, вошедшего в 38-й фонд Российского государственного военно-исторического архива. На основе анализа и сопоставления сведений головного органа военного министерства, ведавшего применением (в т. ч. дислокацией и передвижениями) сухопутных сил на территории государства и за его пределами, были раскрыты причины и цели сосредоточения войск Российской империи в границах белорусских губерний, определены районы их территориального размещения и общая численность в преддверии и период восстания 1863 – 1864 гг. [10 – 14]. В исследовании также были активно использованы сведения из воспоминаний военного министра Д. А. Милютина, которые позволили раскрыть первоначальный замысел и последовательность мероприятий правительства по созданию военно-окружной системы, а также процесс принятия военно-стратегических решений (в т. ч. в отношении использования отдельных армейских соединений, тактики контрпартизанской войны) в период подавления восстания [15; 16]. Дополнить панораму территориального размещения и боевого применения войск в исследуемых географических рамках позволили данные полковой историографии. Составленные на основе полковых архивов и воспоминаний ветеранов в виде исторических хронологий переживаемых воинскими подразделениями событий, отдельные полковые хроники представили подробные сведения о их перемещениях и боевых действиях в 1863 г. [17 – 31].

Основная часть. Неудачи Крымской кампании и вступление на престол Александра II, инициировавшего серию буржуазных реформ в российском государстве, положили начало коренному переустройству системы управления и организации вооруженных сил. В рамках военных реформ, по плану Д. А. Милютин, занявшего пост военного министра в 1861 г., «необходимо было подчинить части 1-й армии, расположенные в западных губерниях империи Виленскому генерал-губернатору, который для ближайшего контроля за действиями местных хозяйственных учреждений сосредоточил бы в себе и высшее командование войсками, и заведование местными органами военной администрации» [16, с. 349]. Также планировалось подчинить единому центру существовавшие до этого времени округа (артиллерийские, инженерные, внутренней стражи), районы которых в границах империи не совпадали.

Логика подобных преобразований требовала создания принципиально новой системы окружной организации вооруженных сил, центры которой сосредоточили бы в своих руках управление всеми военными учреждениями и объектами на установленной территории, переложив часть управленческих функций военного министерства на военно-окружные штабы.

Активная фаза реформы военного управления началась в июне 1862 г. с назначением К. Н. Романова (младшего брата Александра II) наместником в Царстве Польском. По воспоминаниям Д. А. Милютин, Александр II «не считал возможным сохранить в его лице прежнее слияние должностей наместника и главнокомандующего 1-й армией, но в то же время не признавал возможным и отделить военную власть от гражданской... Из этого проистекла необходимость подчинения великому князю лишь тех войск, которые находились в пределах Царства Польского. По тем же соображениям признано было полезным и те части 1-й армии, которые были расположены в западных губерниях империи, подчинить Виленскому генерал-губернатору [16, с. 350; 32, с. 61]. Первоначально в состав округа вошли Виленская, Витебская, Минская, Могилевская и Гродненская губерния без Брест-Литовска, который вошел в состав Варшавского округа, но в 1864 г. был передан Виленскому [14, лл. 1 – 1 об.].

Образование округа совпало с началом восстания 1863 – 1864 гг., что оказало решающее значение на численность и состав расположенных на его территории войск. Однако следует обратить внимание, что концентрация значительного числа армейских соединений на белорусских землях в рассматриваемый период была обусловлена, как борьбой с отрядами повстанцев, так и опасениями российского правительства, связанными с возможным вмешательством европейских государств в решение польского вопроса, получившими наименование «военной тревоги» 1863 г.

К началу восстания на белорусских землях, по данным Департамента Генерального штаба за 6 февраля 1863 г., размещались: три полка 2-й пехотной дивизии (Калужский полк – в районе Гродно; части Либавского полка – в районе Белостока и Соколки; части Ревельского полка – в районе Пружан, Кобрин, Березы и Брест-Литовска); 3-я пехотная дивизия в полном составе (части Староингерманландского полка – в районе Борисова, Докшиц, Логойска; части Новоингерманландского полка – в районе Минска, Ракова, Койданово; части Псковского полка – в районе Новогрудка, Мира, Клецка; Великолуцкий полк – в районе Бобруйска); Софийский полк 1-ой пехотной дивизии квартировал в районе Бельска. Из состава 1-й артиллерийской дивизии части 1-й полевой артиллерийской бригады квартировали в районе Ошмян, Сморгони и Воложина, части 2-й полевой артиллерийской бригады – в районе Гродно, 3-я полевая артиллерийская бригада – в районе Слонима. Кроме того, в окрестности Гродно и Лиды квартировали четыре эскадрона лейб-уланского Курляндского полка 1-ой легкой кавалерийской дивизии; по одной сотне Донского казачьего № 33 полка квартировало в Гродно, Белостоке, Бельске, Слуцке, Пинске и Минске. К 8 февраля в Кобрин из Кременчуга прибыл Донской казачий № 5 полк [10, лл. 2–10; 11, лл. 62–91].

Помимо частей действующих войск к февралю 1863 г. на белорусских землях было сосредоточено шесть резервных батальонов 2-й и 3-й резервных пехотных дивизий: батальон Витебского полка – в районе Мозыря, батальоны Полоцкого и Елецкого полков – в районе Бобруйска, батальоны Полтавского и Кременчугского полков – в районе Борисова, батальон Муромского полка – переведенный накануне из Полоцка в район Дисны [11, лл. 62–91]. Кроме того, в каждой губернии постоянно квартировали части местных (гарнизонных) войск Корпуса внутренней стражи в составе губернских батальонов и уездных команд.

В рассматриваемый период пехотные полки, согласно, действовавшим штатам, утвержденным в 1856 г., состояли из 3-х батальонов, общая численность которых в мирное время должна была составлять 2 718 солдат и офицеров и 3 207 солдат и офицеров – в военное время [2, с. 93; 33, с. 219–220]. Согласно «Высочайшему приказу» от 18 сентября 1856 г., все кавалерийские полки были приведены в 4-х эскадронный состав [2, с. 96–97]. Согласно штатам, утвержденным 22 декабря 1856 г., в каждом из гусарских и уланских полков семи легких кавалерийских дивизиях в мирное время в строю должно было стоять 697 солдат и офицеров, и 833 солдата и офицера – в военное время [33, с. 767–768]. Согласно утвержденному «Дополнению», объявленному в приказе военного министра 24 ноября 1857 г. все армейские пешие артиллерийские бригады состояли из 4-х батарей: двух батарейных, одной легкой и одной облегченной [2, с. 123–124]. Общая численность артиллерийской бригады, по действовавшему к началу восстания «Положению о переформировании артиллерии» 1856 г., составляла: 671 солдат и офицер

в мирное время, 982 солдата и офицера – в военное время [34, с. 226–243]. Казачьим полкам (имевшим одинаковый состав как в мирное, так и в военное время), согласно штатам, действовавшим в рассматриваемый период, полагалось по 851 нижнему чину и 21 офицеру, разделенным в структуре полка на шесть сотен [2, с. 299–300]. Следуя нормам 1856 г. в резервных батальонах в мирное время должно было состоять на службе 870 нижних чинов и 21 офицер (к лету 1863 г. численность резервных батальонов была доведена до 1 тыс.) [2, с. 101; 4, с. 18]. Численность местных войск Корпуса внутренней стражи в пяти губерниях с белорусским населением, по данным Департамента Генерального штаба на конец 1858 г., составляла 4575 солдат и офицеров [35, лл. 66–74].

Опираясь на нормы действующих положений, а также данные Департамента Генерального штаба, общая численность войск Российской империи, сосредоточенных на территории Гродненской, Минской, Могилевской, белорусских уездов Витебской и Виленской губерний, к 8 февраля 1863 г. составляла – из состава восьми пехотных полков (по 2 718 солдат и офицеров в каждом), 3-х артиллерийских бригад (по 671 солдату и офицеру в каждой), уланского кавалерийского полка (697 солдат и офицеров), 2-х казачьих полков (по 872 казака и офицера в каждом), шести резервных батальонов (по 891 солдату и офицеру), частей и подразделений Корпуса внутренней стражи (общей численностью 4 575 солдат и офицеров, по данным на конец 1858 г.) – 36 119 солдат, казаков и офицеров.

О введении военного положения на территории Гродненской и Виленской губерний властями было объявлено только 4 февраля, спустя две недели после первых боев в районе Брест-Литовска и Семятич (к 22 февраля военное положение было введено также в Пинском, Слуцком и Новогрудском уездах Минской губернии) [28, с. 255]. На начальников дивизий расформированного накануне I-го армейского корпуса, расположенных в Виленском военном округе, была возложена обязанность по уничтожению повстанческих отрядов в отведенных для них районах. В зону ответственности 1-й пехотной дивизии под командованием ген.-лейт. Е. И. Майделя входила большая часть Ковенской и северные уезды Виленской губерний, 2-й пехотной дивизии под командованием ген.-лейт. З. С. Манюкина – Гродненская и южные уезды Виленской губернии (с августа 1863 г. 2-я пехотная дивизия находилась в Царстве Польском), 3-й пехотной дивизии под командованием ген.-лейт. А. Ф. Гольтгоера (с 22 августа 1863 г. командовал ген.-майор И. С. Ганецкий) – территория Минской, Витебской и Могилевской губерний [15, с. 90–92, 245].

Первые же бои регулярных войск с повстанцами показали, что даже крупные отряды инсургентов на открытой местности не выдерживали напора цепей российской пехоты, поэтому вести контрпартизанскую войну крупными объединениями было нецелесообразно (несмотря на увещевания явно переоценившего силы противника Александра II, который требовал «избегать дробления войск, высылая против мятежников сильные отряды с кавалерией и артиллерией») [30, с. 496]. Для преследования повстанцев командиры сводных отрядов (ген.-майор И. Г. Ностиц, ген.-лейт. З. С. Манюкин и пр.) делили свои силы на т. н. подвижные колонны, каждая из которых состояла из двух-трех рот передвигавшейся на подводах пехоты и приданных ей казаков. Подобные подвижные колонны в российских войсках стали ведущей тактической единицей, эффективно использовавшейся правительством до конца восстания.

Использование мелких подразделений (рот, эскадронов, сотен) из состава различных частей (пехотных, казачьих, кавалерийских полков) для формирования подвижных колонн, совершавших форсированные марши на сотни верст, фактически выводило их из подчинения непосредственному командованию, терявшему контроль за их действиями. В частности, к 22 февраля из состава Псковского пехотного полка 1-й батальон с 1-й и 3-й стрелковыми ротами находились в Брест-Литовской крепости, в распоряжении ее коменданта; 5-я линейная рота – в Беловеже, в отряде Манюкина; 7-я и 8-я линейные, а также 2-я стрелковая – в Пинске, в отряде Ностица; 3-й батальон – в Августовской губернии, в отряде генерал-майора Толя [36, с. 304–305]. Подобным образом, в это же время шестая сотня Донского казачьего № 5 полка находилась в Брест-Литовской крепости, в распоряжении коменданта; 5-я сотня – в отряде Манюкина; 2-я, 3-я и 4-я сотни – в отряде Ностица [30, с. 495].

Командиры полков и батальонов, части которых находились в составе сводных отрядов и подвижных колонн, предоставляли кадры для института военно-уездных начальников, координируя действия отрядов российских войск в границах отдельных уездов и выполняя роль руководителей оперативных штабов по борьбе с восстанием в рамках контролируемых ими административно-территориальных единиц. В частности, 22 февраля военно-уездным начальником Пинского уезда был назначен командир Донского казачьего № 5 полка полковник Кирпичев, военно-уездным начальником Слуцкого уезда – командир Донского казачьего № 33 полка полковник Астахов, военно-уездным начальником Новогрудского уезда – командир Староингерманландского пехотного полка полковник Чертов [37, лл. 27–27 об.].

С целью усиления сил Виленского военного округа 19 января (т. е. еще до введения военного положения) было принято решение о командировании из Петербурга в Виленский военный округ л.-гв. Сводного Казачьего полка (в составе 1-го дивизиона л.-гв. Казачьего и 1-го дивизиона л.-гв. Атаманского полков). 23 января полк по Петербургско-Варшавской железной дороге прибыл в Вильно и торжественно вошел в город через Остробрамские ворота [20, с. 475]. Первоочередной задачей лейб-

казаков было патрулирование города и его окрестностей [20, с. 483–490]. Численность четырех эскадронов легкой кавалерии л.-гв. Сводного Казачьего полка не должна была превышать численности одного легкого 4-х эскадронного уланского гвардейского полка, которая, согласно принятым штатам, составляла 696 солдат и офицеров [33, с. 749].

28 января Александр II принял решение направить в Вильно 2-ю гвардейскую пехотную дивизию, части которой должны были поступить в распоряжение Виленского генерал-губернатора В. И. Назимова. Полки гвардии выступили из Петербурга 31 января по штатам мирного времени и будучи укомплектованы теми же солдатами, что и в период Крымской войны, так как с 1856 г. рекрутских наборов в Российской империи не проводилось [31, с. 120]. Кроме того, в августе 1857 г. было утверждено «Дополнение к переформированию пехоты», по которому полки гвардии переводились в 2-х батальонный состав (общая численность каждого из полков, согласно «Дополнению», должна была составлять 1886 солдат и офицеров) [38, с. 278]. Части 2-й гвардейской пехотной дивизии до 27 апреля 1863 г. оставались укомплектованы по штатам мирного времени (таким образом, ее общая численность в начальный период восстания не должна была превышать 7544 солдат и офицеров) [2, с. 122]. Ко 2 февраля эшелоны гвардии по Петербургско-Варшавской железной дороге прибыли в Вильно [31, с. 120].

В Вильно деятельность гвардии заключалась в содержании городских караулов, организации ночных патрулей, охране станции железной дороги и политической тюрьмы (т. н. «14 номера»). Тесные контакты с офицерами гвардии поддерживали «человек 15 поляков-помещиков, всецело преданных карточной игре и предпочитавших это занятие всяким политическим комбинациям». По сведениям полковой историографии, «из этих помещиков особенно расположен был к ним пожилой граф Тышкевич» [19, с. 318; 31, с. 158]. По воспоминаниям гвардейцев, «частые беспокойные караулы, дежурства, усиленные патрули, часовые с заряженными ружьями, все это вместе – и живописность окрестностей Вильно, и сам город, казавшийся осажденным, прекрасная весна, красивые польки – как-то фантастически настраивало молодежь» [23, с. 410].

Из состава 2-й гвардейской дивизии л.-гв. Финляндский полк действовал, главным образом, в Виленском, Троцком и Лидском уездах (в районе Вороново, Тракей и Радуня). Отдельные отряды полка доходили до деревень Новый Двор и Острино, на границе Лидского уезда с Гродненской губернией [31, с. 158–192]. Ротам л.-гв. Павловского полка также «не приходилось постоянно квартировать в Вильно: они или отправлялись в экспедиции, или стояли караулами по железным дорогам, или конвоировали различные грузы» [23, с. 412]. Подразделения л.-гв. Московского полка, сосредоточенные первоначально в Виленском уезде (в районе Новых Троков, Оран и Олькеник), «непрерывно находились в продолжительных экспедициях, которые выходили за границы района квартирного расположения и включали территорию Виленской, Гродненской, Ковенской и Августовской губерний» [28, с. 221].

В начале февраля к Гродно для усиления отряда З. С. Манюкина был командирован Санкт-Петербургский уланский полк (который прибыл туда по железной дороге из Ковно), а также Невский пехотный полк 1-й пехотной дивизии и 2-й батальон Староингерманландского пехотного полка 3-й дивизии (квартировавший до этого времени в Вильно) [24, с. 454].

К 1 апреля 1863 г. в Вильно из Санкт-Петербурга прибыл л.-гв. Драгунский полк, который вошел в состав войск виленского гарнизона (численность полка в 1863 г. составляла 804 солдата и офицера по штатам военного времени) [25, с. 128, 134]. Служба полка заключалась в дневных и ночных разъездах по городу и его окрестностям, организации пикетов у возможных мест сбора новобранцев для повстанческих отрядов [25, с. 134]. С 12 апреля «началось беспорядочное странствование полка по литовским болотам» (главным образом, на территории Ковенской губернии). Лишь 2-й дивизион полка постоянно находился в Вильно: здесь он дробился на мелкие части, придававшиеся к пехотным отрядам для организации патрулей [25, с. 134–148].

В апреле 1863 г. в ответ на ряд акций, предпринятых повстанцами в Витебской и Могилевской губерниях, из Новгорода к Режице был отправлен л.-гв. Уланский полк (16 мая полк был разделен поэскадронно: 1-й и 2-й эскадроны были направлены в Динабург, 3-й эскадрон – в Свентяны, 4-й эскадрон – в Вильно), а из Тверской губернии в Поречье Могилевской губернии – гусарская бригада (два полка, общей численностью, согласно действовавшим штатам, 1666 гусар) 7-й кавалерийской дивизии [15, с. 150; 17, с. 29]. Согласно штатам, утвержденным 22 декабря 1856 г., численность л.-гв. Уланского полка должна была составлять 836 солдат и офицеров по штатам военного времени [33, с. 749].

По сведениям военного министра Д. А. Милютин, «когда в польское дело начала вмешиваться дипломатия, положение России, ввиду готовившейся против нее коалиции, становилось опасным. В течение апреля 1863 г., после полученных дипломатических нот от ведущих европейских государств, все резервные батальоны расформированного I-го корпуса, а также перемещенной из внутренних районов 5-й резервной дивизии (сосредоточенные, главным образом, на территории Минской, Витебской и Могилевской губерний – А. А.), были переформированы в полки 2-х батальонного состава» [15, с. 158–161].

К маю 1863 г., со вступлением в должность Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева и разгромом наиболее организованных повстанческих отрядов, части армейских соединений в Виленском военном округе, разделенные на небольшие отряды, стали располагаться в деревнях и местечках повзводно и поротно, что, по свидетельству современников, «создавало впечатление наводненности Края войсками». Кроме того, «генерал-губернатор требовал, чтобы они находились в постоянном движении» [23, с. 230, 238]. В этом отношении характерный случай произошел возле м. Олькеники (на границе Троцкого, Гродненского и Лидского уездов), где 10 июля отряд л.-гв. Финляндского полка встретил 15 донских казаков, «которые, будучи высланы из Вильно, уже несколько месяцев разбегались по Рудниковскому лесу и, не имея над собой никакого начальства, не получали ни фуража, ни денег на продовольствие и по наружности походили, скорее, на инсургентов, чем на казаков» [31, с. 197].

Существенные изменения в составе контингента российских войск в Беларуси произошли в июне-июле 1863 г., когда на смену 2-й гвардейской пехотной дивизии, возвращавшейся в Петербург, в Виленский военный округ выступила 1-я гвардейская пехотная дивизия, полки которой были укомплектованы уже тремя батальонами по штатам военного времени (согласно действовавшим штатам, с учетом присоединения третьих батальонов, общая численность дивизии должна была составлять 13 388 солдат и офицеров: в трех полках $(2\ 219 + 1\ 110) \times 3$ и Преображенском полку с особыми штатами $(2\ 267 + 1\ 134)$ [31, с. 198; 38, с. 269–270]. Из состава 1-й гвардейской пехотной дивизии 23 июня в Вильно прибыл л.-гв. Егерский полк. Последний «был разбит на мелкие части, по две роты, которые составили подвижные колонны, прочесывавшие Троцкий и Лидский уезды» [22, с. 345]. Выступивший из Петербурга 25 июня л.-гв. Измайловский пехотный полк по прибытию в Виленский военный округ расположился в районе Свентян (штаб полка – в городе, роты – по окрестным деревням) [21, с. 144]. 3-й батальон полка занялся охраной линии Петербургско-Варшавской железной дороги, 1-й батальон был направлен в Вильно для несения караулов. Части полка «конвоировали грузы, собирали контрибуцию, преследовали мелкие отряды повстанцев, скрывавшиеся в глухих лесах и непроходимых болотах» [21, с. 145–146].

Прибывший 11 июля в Вильно из Санкт-Петербурга л.-гв. Семеновский полк, спустя две недели был направлен в район Гродно. «Войдя в город 25 июля, он разделился: 1-й батальон остался в самом Гродно, части остальных – разошлись по окрестным деревням. За исключением некоторых отдельных экспедиций, вся деятельность полка в 1863 г. ограничилась одним временным военно-административным управлением края» [18, с. 195–197]. 14 июля 1863 г. в Вильно прибыл последний эшелон л.-гв. Преображенского полка, 7 рот которого с 16 июля по 9 августа несли караульную службу в Опшмянском уезде. В ночь с 30 на 31 июля подразделения полка участвовали в «повальном обыске» Вильно с целью поимки кинжальщика, пытавшегося убить предводителя губернского дворянства А. Ф. Домейко [19, с. 320–332].

К лету 1863 г. стратегическая инициатива в вооруженном противостоянии на территории белорусских губерний перешла на сторону правительственных сил, сломивших сопротивление наиболее организованных повстанческих отрядов, многие из которых пришли в Литву и Беларусь из Царства Польского. Оценив сложившуюся обстановку, Александр II 29 июня 1863 г. счел возможным командировать части 2-й пехотной дивизии из Виленского в Варшавский военный округ. На место последних из Минской в Гродненскую губернию должна была перейти 3-я пехотная дивизия, штаб которой выступил из Минска 9 июля [39, с. 294]. Вслед за ним 12 июля в Белосток из Минска выступил штаб и 3-я рота Новоингерманландского полка [39, с. 294]. 27 июля из Минска в Слоним выступил Великолуцкий полк [27, с. 38]. К последней трети лета 3-я пехотная дивизия в Гродненской губернии располагалась следующим образом: части Староингерманландского полка – в районе Слонима и Волковыска, Новоингерманландского полка – в районе Белостока, Псковского полка – у Брест-Литовска и Свислочи, Великолуцкого полка – у Кобрина, Пружан и Соколки.

Помимо частей названной дивизии к последней трети лета 1863 г. на территории Гродненской губернии в Кобрине, Высоколитовске, Бельске и Белостоке продолжали квартировать по одному эскадрону Санкт-Петербургского уланского полка. В районе Гродно оставались два эскадрона лейб-уланского Курляндского полка (по одному эскадрону лейб-улан квартировало в Волковысском уезде и у м. Соколка) и две батареи 2-й артиллерийской бригады. Две батареи 3-й артиллерийской бригады квартировали в районе Слонима и одна у Брест-Литовска [11, л. 193]. Опираясь на нормы действующих положений и данные Департамента Генерального штаба, общая численность войск, сосредоточенных в Гродненской губернии к концу июля 1863 г. – из состава 4-х полков 3-й пехотной дивизии, одного гвардейского полка, двух кавалерийских полков, батарей 2-й и 3-й артиллерийской бригады, частей и подразделений Корпуса внутренней стражи – составляла $19\ 945$ солдат и офицеров $(12\ 828 + 3\ 329 + 833 \times 2 + 505$ двух батарей 2-й артбригады $+ 741$ трех батарей 3-й артбригады $+ 876$ губернского бат-на и уездных команд).

Наибольшую концентрацию войск к концу июля 1863 г. можно было наблюдать в районе Вильно. К этому времени в самом городе находилось семь пехотных батальонов из состава различных полков, шесть эскадронов кавалерии и сотня казаков. Помимо того к 21 июля в Вильно из Великих Лук прибыл резервный Эстляндский пехотный полк, 29 июля туда же из Динабурга прибыл резервный Великолуцкий

полк. В соседнем с Виленским Лидском уезде квартировало три роты резервного Костромского полка (в самой Лиде) и 132 казака Донского казачьего № 17 полка (в Лидском уезде). В м. Заболоть и окрестностях Щучина квартировало три роты л.-гв. Гатчинского полка. В Ошмянах – три роты л.-гв. Преображенского полка (10 августа их должны были заменить прибывшие в Ошмяны из Лепеля семь рот резервного Низовского полка) и одна батарея 2-й артиллерийской бригады с двадцатью казаками Донского казачьего № 17 полка. В Воложине размещалась одна рота Преображенского полка и пятьдесят казаков Донского № 17 полка. В м. Свирь квартировало две роты л.-гв. Измайловского полка, а в окрестностях Вилейки – шесть рот резервного Муромского полка [11, л. 188].

Опираясь на нормы действовавших положений и данные Департамента Генерального штаба, общая численность войск, сосредоточенных на территории уездов Виленской губернии с белорусским населением к концу июля 1863 г. составляла – из состава семи пехотных батальонов и двух резервных полков, шести эскадронов кавалерии, 18 рот пехоты, батареи артиллерийской бригады, казачьих отрядов, частей и подразделений Корпуса внутренней стражи – 17 193 (1069 × 7 пехотных батальонов + 4000 резервных полков + 833 × 1,5 шести эскадронов кавалерии + 3207 × 1,2 восемнадцати рот пехоты + 264 батареи артиллерийской бригады + 347 казаков) солдат и офицеров.

Значительная роль в борьбе с восстанием на белорусских землях отводилась казачьим частям, которые в составе отдельных отрядов были равномерно рассредоточены по территории Виленского военного округа, куда до лета продолжали прибывать свежие казачьи отряды. В частности, по данным Департамента Генерального штаба, к 4 июля в Вильно из Санкт-Петербурга должен был прибыть Донской казачий № 41 полк, а к 10 июля в Белосток – Донские казачьи № 44 и № 45 полки [11, лл. 10–11]. Впоследствии одна сотня 41-го полка была направлена в Витебскую губернию, оставшиеся – в Ковенскую и Курляндскую. К июлю 1863 г. Донской казачий № 17 полк квартировал в уездах Виленской губернии, Донской казачий № 42 полк был сосредоточен у Вильно для командировки в Ковенскую губернию. В августе в Виленскую губернию, помимо находившихся здесь к тому времени Донского казачьего № 17 полка и одной сотни Донского казачьего № 13 полка, был направлен Донской казачий № 30 полк (последний прибыл в Вильно не позднее 23 августа). В Гродненской губернии в июле 1863 г. были сосредоточены Донской казачий № 5 полк и большая часть Донского казачьего № 32 полка (две сотни которого квартировали в Минской губернии). В Минской губернии находилась большая часть Донского казачьего № 33 полка (по сотне которого квартировали в Гродно и Ковно) и одна сотня Донского казачьего № 13 полка (большая часть последнего к концу июля квартировала в Могилевской губернии) [11, лл. 167–168]. Опираясь на нормы действующих положений и данные Департамента Генерального штаба, общая численность казачьих войск, сосредоточенных на территории пяти губерний с белорусским населением к концу июля 1863 г. составляла – из состава десяти полков – 8720 (872 × 10) казаков и офицеров.

К последней трети лета 1863 г. войска Российской империи в Витебской, Минской и Могилевской губерниях были представлены, главным образом, резервными подразделениями сформированных накануне резервных полков.

В частности, в Витебской губернии к концу июля было сосредоточено шесть резервных полков (общей численностью, согласно принятым нормам, 12 тыс. солдат и офицеров): Нарвский, Либавский, Галицкий, Нижегородский, Симбирский и Низовский. Девятнадцать рот из состава резервных полков было сосредоточено в Динабурге, остальные равномерно распределены по уездам губернии. К 18 августа в Динабург из Сенно должен был прибыть резервный Могилевский полк.

К концу июля в Могилевской губернии дислоцировалось три резервных полка (общей численностью, согласно принятым нормам, в 6 тыс. солдат и офицеров). Подразделения резервного Могилевского полка квартировали у Могилева, Сенно и Лиозно. Резервный Черниговский полк также был разделен на несколько отрядов, находившихся у Рогачева, Старого Быхова, Могилева и Гомеля. Резервный Брянский полк прибыл не ранее 2 июля в Чериков из г. Рославль Смоленской губ., а его отдельные подразделения направлены к Черикову, Кричеву и Чаусам. Помимо перечисленных сил в Могилевской губернии квартировало лишь четыре эскадрона Митавского гусарского полка (согласно действовавшим штатам – 833 солдата и офицера): у Орши (два эскадрона), Черей (один эскадрон) и Шклова (один эскадрон). По данным Департамента Генерального штаба, каких-либо других войск в губернии помимо гарнизонных (местных) частей и незначительного числа казаков на тот момент не было.

Из числа резервных подразделений в Минской губернии к 29 июля квартировало восемь пехотных полков (общей численностью около 16 тыс. солдат и офицеров). Среди них, резервный Алексопольский полк (находившийся в Минске и Минском уезде), резервный Кременчугский полк (полковой штаб и семь рот – в Борисове и Борисовском уезде, три роты – в Игуменском уезде), резервный Полоцкий полк (полковой штаб и семь рот – в Новогрудке и Новогрудском уезде), резервный Орловский полк (пять рот и полковой штаб – в Игумене и Игуменском уезде, пять рот – в Слуцке), резервные Елецкий и Севский пехотные полки – в Бобруйске и Бобруйском уезде, резервный Витебский пехотный полк (восемь рот

с полковым штабом – в Мозыре и Мозырском уезде, две роты – в Речице и Речицком уезде) и резервный Полтавский пехотный полк, квартировавший в Пинске и Пинском уезде [11, лл. 140–167].

Не вызывает сомнений, что резервные войска, сосредоточенные на белорусских землях в период восстания, необходимо рассматривать не как средство борьбы с восстанием, а как элемент наращивания военного потенциала Российской империи ввиду дипломатического давления западноевропейских государств и связанных с этим опасений возможной военной интервенции. Сами резервные войска, использовавшиеся как учебные депо для подготовки новобранцев к службе, в течении весны – лета 1863 г. три раза пополнялись рекрутами, переформировавшись вначале из резервных батальонов в 2-хбатальонные, а затем и 3-хбатальонные полки. Происходившие внутри данных подразделений процессы делали их малоэффективными в военном отношении. К тому же присутствие в регионе массы находившихся в движении рекрутов требовало создания дополнительных мер безопасности и, как следствие, привлечения значительных сил и средств, что не усиливало, а ослабляло положение правительства перед лицом восстания.

Опираясь на действовавшие в исследуемый период нормы, а также сведения Департамента Генерального штаба, к концу июля 1863 г. на белорусских землях было сосредоточено 33 624 солдат и офицеров регулярных полевых войск (19 945 в Гродненской губернии + 12 846 в белорусских уездах Виленской губернии (без казаков и резервных полков) + 833 улана в Могилевской губернии), 8720 казаков (в пяти губерниях с белорусским населением), 40 тыс. резервных войск (в Виленской, Витебской, Гродненской и Минской и Могилевской губерниях) и 4575 солдат и офицеров из состава частей и подразделений Корпуса внутренней стражи. Всего – 86 919 казаков, солдат и офицеров.

В течение августа все 2-хбатальонные резервные полки были переформированы в действующие полки 3-хбатальонного состава. В частности, 2-хбатальонный резервный Алексопольский пехотный полк после присоединения к нему в Минске 3-го батальона, согласно указу Александра II от 13 августа, стал называться Коломенским пехотным полком [29, с. 7–8]. Подобным образом, резервный Смоленский пехотный полк пополнился рекрутами, став 3-хбатальонным, и получил новое наименование – 117-го пехотного Ярославского полка [26, с. 54–57]. Всего на территории белорусских губерний Виленского военного округа было сформировано 24 пехотных полка, которые, согласно указу Александра II от 31 августа 1863 г., были сведены в 26-ю, 27-ю, 28-ю, 29-ю, 30-ю и 31-ю пехотные дивизии [29, с. 7–8; 40, с. 76–77]. Их общая численность к этому времени составляла около 60 тыс. солдат и офицеров. К 1864 г. вновь сформированным полкам были вручены знамена и орденские ленты [41, л. 1].

Из состава сформированных соединений осенью 1863 г. части 26-й пехотной дивизии находились в районе Вильно и Динабурга (в 1866 г. они были направлены в Гродненскую губернию); в районах Вильно и Лиды располагалось по одному полку 27-й пехотной дивизии; 28-я пехотная дивизия дислоцировалась в Витебской губернии (в 1865 г. она была направлена в район Ковно); части 29-я пехотной дивизии были сосредоточены у Могилева, Орши и Борисова (в 1868 г. дивизия перешла в район Динабурга); части 30-й пехотной дивизии квартировали в районах Вильно, Минска, Пинска и Новогрудка; 31-й – Слуцка и Бобруйска (в 1868 г. 31-я пехотная дивизия была направлена в Харьковский военный округ); кроме того, на территории Гродненской губернии до 1866 г. дислоцировалась 3-я пехотная дивизия [42].

По данным Департамента Генерального штаба, к началу сентября 1863 г. во всем Виленском военном округе было известно только о 2–3 группах повстанцев. По этой причине 12 сентября 1863 г. правительством было принято решение вернуть в Петербург к концу октября все пехотные и кавалерийские части гвардейского корпуса, заменив их одной бригадой (двумя полками) 3-й гренадерской дивизии и двумя Донскими (№ 34 и № 40) казачьими полками [12, л. 15]. Это решение свидетельствует о том, что вооруженное восстание на территории округа к началу осени 1863 г., в целом, было подавлено.

К ноябрю 1863 г. полки 1-й гвардейской пехотной дивизии (за исключением 2-го батальона Преображенского полка, а также 1-го и 3-го батальонов Семеновского полка) покинули Виленский округ и вернулись в Петербург. По оценкам М. Н. Муравьева, именно подразделениям гвардии «он был обязан успехом умиротворения и водворения порядка в Виленской и многих областях Гродненской губернии» [15, с. 337–338]. В числе прочих, 1 ноября части л.-гв. Драгунского полка, получив благословение от митрополита И. Семашко перед образом Виленских мучеников, покинули Вильно и отправились в Санкт-Петербург [25, с. 128–148]. К 25 октября вернулся в Петербург и л.-гв. Измайловский полк [21, с. 145–147].

В ноябре 1863 г. на территории Виленского военного округа началось формирование новых артиллерийских бригад (25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й и 31-й), которые привязывались к одноименным сформированным ранее пехотным дивизиям. Батареи 25-й и 26-й артбригад, формировавшиеся на базе подразделений 2-й, 4-й и 7-й артбригад, первоначально были сосредоточены в северной части Витебской губернии, в районе Динабурга и Режицы. Батареи 27-й артбригады формировались на базе подразделений 1-й и 6-й артиллерийских бригад, и первоначально квартировали в Ошмянах, Воложине и Новогрудке. Батарея 6-й артбригады прибыла для укомплектования 27-й бригады из Царства Польского в Гродно 26 ноября и была разделена на два дивизиона, направленные в Воложин и Новогрудок. Батареи 29-й арт-

бригады формировались на базе подразделений 11-й и 12-й артбригад, и были сосредоточены в Могилеве, Старом Быхове и Рогачеве (батарея 11-й артбригады прибыла для укомплектования 29-й бригады в Рогачев 23 декабря из г. Лубны Полтавской губернии, батарея 12-й артбригады прибыла в Рогачев к 5 января 1864 г. из с. Царицынка той же Полтавской губернии). Батареи 30-й артбригады, сформированные на базе батарей 6-й и 5-й артбригад, были сосредоточены в Новогрудке, Лиде и Вилейке. Два дивизиона 5-й артбригады, выступившие из Вильно для укомплектования 30-й бригады, прибыли в Лиду и Вилейку 10 и 13 декабря соответственно. Батареи 31-й артиллерийской бригады, сформированные на базе подразделений 3-й и 12-й артбригад, первоначально квартировали в Слуцке, Несвиже и Бобруйске (дивизионы 3-й артбригады прибыли в Несвиж и Слуцк соответственно к 17 и 22 ноября из Слонима). Процесс формирования новых артиллерийских бригад завершился к концу декабря 1863 г. – началу января 1864 г. [13, лл. 3–119; 40, с. 76–77].

Параллельно с созданием новых подразделений и соединений в течение 1863 г. при штабе Виленского военного округа последовательно «было сформировано три отдела военно-окружного управления: интендантский (1 января), артиллерийский (в марте) и инженерный (в сентябре). В июне 1863 г. из подчинения Корпусу внутренней стражи были выведены местные войска. Данными мерами, – по мнению военного министра, – достигалась главная цель: сосредоточить в руках начальника округа все местные военные средства и учреждения» [цит. по 15, с. 366]. Управление создаваемого Виленского военного округа с завершением всех организационных процессов «представляло собой Военное министерство в миниатюре. Оно состояло из окружного штаба, военно-окружного совета и шести отделов: интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского и окружного инспектора военных госпиталей» [цит. по 43, с. 90].

Выводы. Таким образом, несмотря на вооруженное сопротивление повстанческих отрядов и все чрезвычайные меры военного времени, к концу 1863 г. завершилось формирование организационных структур Виленского военного округа. Принцип сосредоточения функций оперативного командования над всеми военными средствами и учреждениями в руках генерал-губернатора, ввиду успеха правительства в подавлении восстания, зарекомендовал себя в качестве эффективного механизма военного управления в конкретно-исторических условиях.

Анализ процессов сосредоточения соединений и подразделений армии Российской империи на основе документов Департамента Генерального штаба свидетельствует, что непосредственно для борьбы с повстанческими отрядами в течение 1863 г. в район белорусских губерний правительством были направлены: 2-я гвардейская пехотная дивизия (общая численность которой в начальный период восстания не превышала 7544 солдат и офицеров), впоследствии уступившая место 1-й гвардейской пехотной дивизии; три кавалерийских полка гвардии (2336 солдат и офицеров); уланский Санкт-Петербургский полк 1-й кавалерийской дивизии (около 697 солдат и офицеров); два гусарских полка 7-й кавалерийской дивизии (общей численностью до 1666 гусар); девять казачьих полков (общей численностью до 7848 казаков и офицеров). Всего – 20 091 солдат, казаков и офицеров. Основу действующей группировки войск составляли постоянно дислоцировавшиеся на территории губерний с белорусским населением части и подразделения 2-й и 3-й пехотных дивизий с одноименными артиллерийскими бригадами, а также губернские батальоны и уездные команды Корпуса внутренней стражи. Общая численность постоянно дислоцировавшейся группировки российских войск в Беларуси к 6 февраля 1863 г. составляла (вместе с одним полком 1-й пехотной дивизии, 1-й артиллерийской бригадой, уланским полком 1-й легкой кавалерийской дивизии и одним казачьим полком, квартировавшими в Гродненской и Виленской губерниях) 25 326 солдат, казаков и офицеров. Из числа последних 2-я пехотная дивизия в июле 1864 г. была направлена в Царство Польское. К последней трети лета 1863 г. на территории Витебской, Минской и Могилевской губернии было сосредоточено около 36 тыс. резервных войск, которые необходимо рассматривать не как средство борьбы с восстанием, а как элемент программы по наращиванию военного потенциала Российской империи в виду дипломатического давления западноевропейских государств и возможностью военной интервенции. Опираясь на действовавшие в исследуемый период нормы, а также сведения Департамента Генерального штаба, к концу июля 1863 г. на территории пяти губерний с белорусским населением было сосредоточено 33 624 военнотружущих регулярных полевых войск, 8720 казаков, 40 тыс. резервных войск и 4575 солдат и офицеров из состава частей и подразделений Корпуса внутренней стражи. Всего – 86 919 солдат, казаков и офицеров.

Сформированные на белорусских землях к осени 1863 г. на основе резервных частей и подразделений шесть пехотных дивизий (26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й) и семь артиллерийских бригад (25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й) были призваны составить новую постоянную основу военного потенциала Российской империи на европейском направлении, в противовес старой системе территориальной организации, не привязывавшей воинские подразделения к решению задач в рамках отдельно взятых районов государства.

Консолидация белорусских земель вокруг единого центра военной администрации в лице генерал-губернатора, выполнявшего также функции высшей гражданской власти в регионе, косвенно способ-

ствовало развитию и поддержанию административных, хозяйственных, торговых и транспортно-коммуникационных связей между отдельными губерниями с белорусским населением, сохранению их целостности и единства в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбачэўская, К. В. Паўстанне 1863 – 1864 гадоў у Беларусі: гістарыяграфія праблемы / К. В. Гарбачэўская // Актуальныя пытанні гістарыяграфіі айчынай і сусветнай гісторыі : зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал. М. М. Забаўскі, А. М. Люты [і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2012. – С. 114–117.
2. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича: (1855 – 1880 гг.) : в 6 т. / ред. ген.-майор Максимовский [и др.]. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, . – Т. 1. – 1879. – 421 с.
3. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича: (1855 – 1880 гг.) : в 6 т. / ред. ген.-майор Максимовский [и др.]. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, . – Т. 2. – 1879. – 477 с.
4. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича: (1855 – 1880 гг.) : в 6 т. / ред. ген.-лейт. Богданович [и др.]. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, . – Т. 3. – 1879. – 371 с.
5. Миловидов, А. И. Перечень боевых столкновений русских войск с польскими повстанцами в кампанию 1863 – 1864 гг. в пределах Северо-западного края, с указанием времени, места боев, численности и командного состава русских и повстанческих отрядов, равно и потерь с обеих сторон / А. И. Миловидов. – Вильна : Губ. тип., 1915. – 38 с.
6. Гронский, А. Д. Подсчеты разные, итог один / А. Д. Гронский // Белорусская думка. – 2013. – № 6. – С. 57–61.
7. Карпович, О. В. Боевые действия в Брестском, Кобринском и Пружанском уездах в период восстания 1863 – 1864 гг. / О. В. Карпович // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. Гуманитарные науки. – 2014. – № 6. – С. 22–25.
8. Черепица, В. Н. О действиях российских войск в Гродненской губернии в 1863 г. против польских повстанцев / В. Н. Черепица // «...И клятву верности сдержали...»: Очерки военной истории Гродненской губернии (1812–1915 гг.) / Издательский центр ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно, 2017. – С. 116–154.
9. Матвейчык, Д. Ч. Паўстанне 1863 – 1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск : Медысонг, 2013. – 122 с.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2957.
11. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 3079.
12. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 3082.
13. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 3218.
14. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 3414.
15. Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина 1863–1864 / ред. Л. Г. Захарова. – М. : РОССПЭН, 2003. – 324 с.
16. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860–1862 / ред. Л. Г. Захарова. – М. : Российский архив, 1999. – 488 с.
17. Александровский, К. Очерк истории лейб-гвардии Уланского ея величества государыни императрицы Александры Федоровны полка / К. Александровский. – СПб. : Тип. Эдуарда Гоппе, 1897. – 81 с.
18. Дирин, П. История лейб-гвардии Семеновского полка / П. Дирин. – СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1883. – 556 с.
19. Долгов, С. История лейб-гвардии Преображенского полка / С. Долгов. – СПб. : Тип. Преображенского полка, 1888. – 696 с.
20. Жеребков, А. Г. История лейб-гвардии Казачьего ея величества полка / А. Г. Жеребков. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1876. – 636 с.
21. Зноско-Боровский, Н. История лейб-гвардии Измайловского полка / Н. Зноско-Боровский. – СПб. : Тип. Лобанова, 1882. – 265 с.
22. История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет 1796–1896. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1896. – 524 с.
23. История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890 / ред. П. Н. Воронов. – СПб., 1890. – 519 с.
24. Каменский, Е. С. История 2-го Драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка / Е. С. Каменский. – М. : Тип. Вильде, 1900. – 624 с.
25. Ковалевский, М. А. Пятьдесят лет существования лейб-гвардии Драгунского полка: 1814–1833. Гвардейские конноегеря; 1833–1864. Гвардейские драгуны / М. А. Ковалевский. – Новгород : Тип. Сухова, 1870. – 220 с.

26. Козлов, Д. Ф. Краткая боевая история 117-го Пехотного Ярославского полка. (1763–1913) / Д. Ф. Козлов. – Рогачев : Тип. насл. Залкинда, 1913. – 90 с.
27. Краткая история 12-го пехотного Великолуцкого полка. – М. : Т-во скоропечатни А. А. Левинсон, 1911. – 335 с.
28. Ляпунов, А. Я. Хроника л.-гв. Московского полка. 1811–1879 / А. Я. Ляпунов. – М. : Канцелярия л.-гв. Московск. полка, 1889. – 304 с.
29. Островский. Историческая памятка 119 пехотного Коломенского полка / Островский. – Минск : Типо-литогр. К. И. Соломонова, 1897. – 15 с.
30. Пузанов, В. В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка / В. В. Пузанов. – Саратов : Типо-литогр. П. Феокритова, 1913. – 689 с.
31. Ростковский, Ф. Я. История лейб-гвардии Финляндского полка / Ф. Я. Ростковский. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. – 458 с.
32. Местные органы власти и управления / А. П. Житко [и др.] // История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Бел. навука. – Т. 2 : Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.). – 2019. – С. 55–105.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии. – Т. 31. Отделение второе. 1856 : Приложения. – 1857. – 1102 с.
34. Положение о реформировании артиллерии отдельных гвардейского и гренадерского корпусов, а также шести армейских корпусов, резервного кавалерийского корпуса и Войска Донского. – СПб. : Воен. тип., 1856. – 477 с.
35. РГВИА. – Ф. 38. Оп. 4. Д. 2064.
36. Гениев, А. История Псковского пехотного генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полка. 1700–1881 / А. Гениев. – М. : Тип. А. Иванова, 1883. – 388 с.
37. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1517а.
38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии. – Т. 32. Отделение второе. 1857 : Приложения. – 1858. – 864 с.
39. Пирожников, П. История 10-го пехотного Новоингерманландского пехотного полка / П. Пирожников. – Тула : Электротпечатня и тип. И.Д. Фортунатова, 1913. – 431 с.
40. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича: (1855 – 1880 гг.) : в 6 т. / ред. ген.-майор Шилдер [и др.], – СПб. : Тип. М. Стасюлевича. – Т. 4. – 1880. – 543 с.
41. РГВИА. – Ф. 1956. Оп. 2. Д. 290.
42. Расписание сухопутных войск. Исправленное по 25 ноября 1868 г. – СПб. : Воен. тип., 1868. – 384 с.
43. Зайончковский, П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1973. – 349 с.

Поступила 11.11.2019

TROOPS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN BELARUS DURING THE UPRISING OF 1863–1864

A. ARLUKEVICH

The article reveals the processes of concentration and territorial deployment of troops of the Russian empire in Belarus in the run-up to and during the uprising of 1863–1864. This work is the first attempt to establish the organizational structure, composition, number and locations of individual units and formations of the Russian army at various stages of the uprising. In the work in chronological order, described the government's measures on strengthening of Russian forces on the territory of Belarusian provinces, in order to counter the rebel groups, and concerns about possible intervention of European states in the solution of the Polish question.

Keywords: *uprising of 1863–1864, Russian empire, Belarusian province, Russian troops.*